

Г. М. Тужаров, Грамматические категории имени существительного в марийском языке, Йошкар-Ола 1987. 142 с.

Рецензируемая монография издана Марийским государственным педагогическим институтом им. Н. К. Крупской. Книга состоит из предисловия, пяти глав и списка использованной литературы.

В предисловии автором сказано, что в книге освещаются проблемы грамматических категорий имени существительного в марийском литературном языке. Значительное место уделено описанию общих и отличительных моментов лугово-восточной и горной литературных норм. Автор, кроме того, как явствует из того же предисловия, ставил перед собой задачу решить некоторые общие вопросы морфологии не только марийского языка, но и ряд дискуссионных проблем уральского и советского языкознания вообще. К ним он относит вопрос о немаркированных именах и проблеме морфологических категорий в марийском языкознании (с. 3).

Проблеме морфологических категорий в марийском языкознании посвящена первая глава. Автор рассматривает различные точки зрения на грамматическую и морфологическую категории. «Морфологическая категория, — пишет он, — это система противопоставленных друг другу граммем с однородным значением» (с. 9). Исходя из такого понимания, автор считает, что понятия грамматической и морфологической категорий исследователи трактуют очень широко, что называть одним термином грамматическая категория как классы слов, так и их признаки, которые лежат в основе определенных систем грамматических форм, нецелесообразно и недопустимо (с. 7), ибо «части речи и их морфологические признаки — это различные классы грамматических объектов. Части речи — это лексико-грамматические ряды слов, характеризующиеся рядом определенных признаков. Грамматические категории — это определенные системы рядов грамматических форм, являющихся признаками частей речи» (с. 8). Нельзя, по мнению автора, грамматические категории подразделять на общие и частные, так как «грамматическая категория существует только в парадигме» (с.

9). Как видно, Г. М. Тужаров — сторонник «более узкого» толкования данного понятия (с. 7). С таким толкованием, однако, вряд ли можно согласиться. Автор, видимо, сам не уяснил до конца, что нужно понимать под грамматической категорией, если говорит, что «грамматические категории — это определенные системы рядов грамматических форм (разрядка наша — И. Г.), являющихся признаками частей речи» (с. 8). Если только грамматические формы представляют собой грамматические категории, то что же остается для грамматических значений? В словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой, чье определение, по мнению Г. М. Тужарова, соответствует принципу научности (с. 8), сказано: «Категория грамматическая... Одно из наиболее общих свойств лингвистических единиц вообще или некоторого их класса, получившее в языке грамматическое выражение» (1966 : 191). С этим нельзя не согласиться, ибо оно отражает суть грамматической категории вообще. О морфологической грамматической категории у О. С. Ахмановой читаем: «Категория морфологическая грамматическая... 1) (категории частей речи). Одна из основных обобщенных характеристик данного разряда слов, имеющая морфологическое выражение, т. е. проявляющаяся в противопоставлении грамматических форм одного и того же слова. Категория вида, категория времени, категория залога, категория лица, категория склонения, категория падежа, ... категория рода, категория степеней сравнения, категория числа. 2) То же, что категориальная форма. Категория женского рода, категория мужского рода, категория среднего рода, категория косвенного падежа. 3) Класс (разряд) слов, характеризующийся определенными морфологическими грамматическими категориями. Категория глагола (т. е. глагол как часть речи), категория прилагательного, категория существительного» (1966 : 191—192). Как видно, О. С. Ахманова в понятие морфологической грамматической категории включает не толь-

ко части речи, но и категорию падежа вообще, а также категорию отдельного падежа в частности. И это не приводило и не приводит к противоречивым суждениям и логическим ошибкам, как думает автор рецензируемой монографии (с. 8).

Автор в признании двух живых падежных суффиксов в пространственно-местных падежах видит нарушение принципа историзма, считая невозможным существование падежных формантов *-не*, *-ке*, *-ан*, *-ч* в современном марийском литературном языке. Эти форманты, по его мнению, можно считать падежными только исторически (с. 12). Однако факты говорят об обратном и это убедительно доказал З. В. Учаев (1982 : 50—51). Рецензент солидарен здесь с Л. В. Щербой: грамматические категории могут иметь по несколько формальных признаков (1957 : 66). В данном случае автор рецензируемой книги допустил явную ошибку.

Вторая глава посвящена категории числа существительных. Вслед за З. Учаевым автор все имена существительные делит на две группы: 1) имеющие формы единственного и множественного числа и 2) имеющие форму только единственного числа (с. 13). Существительные второй группы разделены им на девять семантических групп. К первой отнесены «слова (или сочетания слов), являющиеся точным обозначением определенного понятия в области общественной жизни, философии, общественно-политические термины» (с. 13—14). У З. Учаева эта группа названа несколько иначе, но более правильно: «Многие слова, связанные с общественно-политической жизнью» (1982 : 32).

Автор же рецензируемой книги, на наш взгляд, незаслуженно объединил в одну семантическую группу и словосочетания, поддавшись чисто семантической стороне терминов. Словосочетание *диалектический материализм* нельзя включать в раздел морфологии, хотя и оно является научным термином, ибо представляет собой свободное словосочетание, сравните *вульгарный материализм*, *исторический материализм*. Очевидно, следовало внимательнее отнестись к понятиям термин, слово и словосочетание и четко разграничить их.

Как и З. Учаев, автор рецензируе-

мой книги абсолютное большинство собственных имен существительных (*Лошкар-Ола*, *Чавайн*, *Игнатьев* и т. д.) относит также к существительным, функционирующим только в форме единственного числа. Но тут же пишет, что «употребляясь во множественном числе, собственные имена изменяют свое лексическое значение» (с. 14). По нашему мнению, изменение лексического значения не дает права отрицать возможность иметь форму множественного числа. Кроме того, надо учесть и то обстоятельство, что в марийском языке есть специальный показатель групповой множественности, который и употребляется с именами собственными и одушевленными нарицательными: *Чавайнмыт* 'Чавайн и другие, кто с ним', о чем пишет и сам Г. М. Тужаров (с. 28). Здесь наблюдается некритический подход его к использованной литературе. Прав он, что вещественные имена существительные при обозначении отдельных частиц, крупинок могут иметь форму множественного числа: *пырче-влак* 'зерна, зернышки' (с. 15). Нельзя не согласиться и с тем, что в редких случаях имена, выражающие фрукты, ягоды, травы, могут употребляться в форме множественного числа, обозначая при этом группу, множество однородных предметов — овощей, фруктов, грибов, колосьев злаков, стеблей трав: *поңго-влак* 'грибы' (с. 15). Но без всякого на то основания в книге среди существительных только единственного числа, дополнительно к семи группам, выделенным З. Учаевым, названы еще две группы. В них фактически речь идет о тех же существительных, которые могут иметь формы единственного и множественного числа. Автор, критикуя орфографические правила, говорит не о свойствах существительных, а об их употреблении, явно смешивая правописание с грамматикой (с. 16—20). Совершенно непонятно, каким образом вопрос синтаксиса оказался в исследовании по морфологии? Так, автор на с. 17 ведет речь не о категории числа имен существительных, а о форме числа глагола-сказуемого.

Интересны наблюдения Г. М. Тужарова относительно случаев отсутствия соотносительности единственного числа с реальной единичностью (с. 21—23). В

целом верно, что в последнее время показатель множественности *-ла* имеет тенденцию к расширению своих функций (с. 26). Но нужно было отметить, что эта тенденция наблюдается в письменном языке, а не в разговорной речи, и она не беспредельна. Автор справедливо соглашается с мнением Н. Пенгитова о том, что употребление *-ла* вместо *-влак* и *-шамыч* не всегда возможно, например, нельзя сказать *Маскала кудалыт* вместо *Маска-влак кудалыт* 'Медведи бегут' (с. 27—28), но нельзя сказать и *Шопкела кушкыт* вместо *Шопке-влак кушкыт* 'Осины растут'. Поэтому говорить о регулярности употребления показателя *-ла* с существительными в форме именительного падежа нет веских оснований.

Употребление некоторыми писателями показателя групповой множественности *-мыт* вместо *-влак*, *-шамыч* не является нормой для литературного марийского языка, особенно в произведениях М. Шкетана и О. Тыныша, ибо они очень широко пользовались диалектными выражениями. В некоторых марийских диалектах он употребляется вместо *-влак*, *-шамыч* и сейчас, поэтому формы *мариймыт* 'мужчины', *Пуялмыт* 'житель д. Пуял' (с. 29), *тунемшымыт* 'учащиеся' (с. 30) нельзя считать нормой. Употребление показателя множественного числа с послелогом марЛ *гай*, марГ *гань* не является особенностью только горной литературной нормы. Это характерно и для лугово-восточной литературной нормы, ср. *Тый гай-влакым шуко ужынам* 'Таких как ты я много видел'.

В третьей главе рецензируемой книги рассматривается категория притяжательности существительных. В целом описание ее не отличается от традиционного, внесены лишь некоторые уточнения, на наш взгляд, не всегда удачные. Так, по мнению автора, притяжательный суффикс 1-го лица единственного числа имеет форму *-ем* не только после ударного конечного *-а*, но и после ударного конечного *-е*: *шерге-шергем* 'гребень мой' (с. 37). Однако не учитывается то обстоятельство, что в современном марийском языке ударный гласный при стяжении гласных не выпадает, о чем говорит приведенный автором пример на конечный *-й*: *чйчйм* 'дядя мой' при *чйчй*

'дядя'. Поэтому, на наш взгляд, гласный *-е* в *шергем* 'гребень мой' перед конечным согласным *-м* следует признать за гласный основы, а сам *-м* — за притяжательный суффикс 1-го лица единственного числа. Нельзя согласиться с автором и в том, что «к основам, оканчивающимся на ударный гласный *-а*, в лугово-восточной литературной норме регулярно может присоединяться и вариант *-эм (-ем)*» (с. 38). Примеры *авам* 'мать моя' и *изаем* 'брат мой' не могут служить доказательством, ибо эти формы образованы от вокативных *авай* 'мать, мама', *изай* 'брат' в ласкательном значении. Эти слова нельзя считать оканчивающимися на гласный *-а*. Что же касается примера *Йошкар-Олаэм* 'Йошкар-Ола мой' (с. 38), то здесь автор не учел, что он взят из стиха М. Майна, представителя йошкар-олинского говора, переходного от горного к луговому наречию. Поэт ради ритмики стиха использовал диалектную форму. То же наблюдается в стихотворном примере *олмаэт* 'яблоко твое' (с. 40). Далее автор делает вывод: «вариант *-м* притяжательного суффикса 1-го лица единственного числа в лугово-восточной литературной норме употребляется: а) после основ на ударные гласные *а, э (е), ö*» (с. 38).

Известно, что конечный гласный *-ö* в лугово-восточной литературной норме — безударный и является результатом лабиальной гармонии гласных (Грузов 1960 : 72). Как попал он в число ударных в рецензируемой книге, нам непонятно.

С замечанием автора вслед за З. Учаевым о том, что после безударных конечных *-о, -ö, -э (е)* в словах, выражающих родственные отношения, притяжательный суффикс 1-го лица единственного числа имеет (с. 38) вариант *-м*, мы полностью солидарны. Следовало бы добавить, что в этом случае конечные гласные основ редуцируются.

Г. М. Тужаров не прав, когда пишет, что лично-притяжательный суффикс *-т, -эт (-ет)* в марийском языке указывает на принадлежность одного предмета обладателю 2-го лица ед. числа (с. 42). Ограничивать принадлежность одним предметом — идти против истины: обладаемых предметов может быть и много, ср. *книга-влакет* 'книги твои'.

По мнению Г. М. Тужарова, в марийском языке притяжательные отношения выражаются двумя способами: морфологическим и морфолого-синтаксическим (с. 54), но далее он противоречит себе: принадлежностные отношения могут выражаться также неморфологическим (синтаксическим) способом (с. 62). В то же время на с. 63 полностью отрицается синтаксический способ выражения притяжательности даже при помощи формы родительного падежа личных местоимений. С таким суждением о возможности выражения притяжательных отношений, на наш взгляд, согласиться нельзя. Отсутствие притяжательного суффикса при синтаксическом способе выражения притяжательных отношений не говорит о том, что в таких случаях нет притяжательных отношений. В индоевропейских языках, например, притяжательных суффиксов нет вообще, а притяжательные отношения выражаются местоимениями.

Если учесть, что генитив в марийском языке восходит к притяжательным прилагательным, а принадлежностное значение его до сих пор является основным, то отрицать возможность выражения притяжательных отношений формой генитива нельзя, ведь в таких выражениях, как *Мемнан ял кугу* 'Наша деревня большая', только форма генитива передает принадлежность, а личное местоимение — лицо обладателя.

Пятая глава посвящена категории падежа существительных. Прав автор, что категория падежа в марийском языке — одна из сложнейших словоизменительных категорий и понимать падеж нужно как единство формы и содержания (с. 72—73). Однако, по его мнению, «для именительного падежа центральными значениями являются значения субъектное, объектное и определительное» (с. 75). Здесь смешаны два понятия: значение падежа и его синтаксическая функция. На наш взгляд, было бы вернее значения падежей и их синтаксические функции разграничить.

Нельзя, по нашему мнению, согласиться и с тем, что именительный падеж может выражать временное, количественное, пространственное и сравнительное значения (с. 76). В выражениях типа *кум ий илаш* 'жить три года' временное

значение заключено в лексическом значении слова *ий* 'год', а числительное *кум* 'три' выражает количество этого времени. Что же касается количественного значения в выражениях типа *ик кугыжа* 'один царь', то здесь количество выражается только числительным *ик* 'один', поэтому о количественном значении существительного в форме именительного падежа без числительного *ик* 'один' говорить не приходится. Пространственное же значение, мы бы сказали пространственно-местное, в предложениях типа *Элнет курык вольмаште корно ... мотор лийын ...* 'Дорога при спуске с горы Элнет была хорошая' (с. 77) выражает не форма именительного падежа существительных *Элнет курык*, а форма местного падежа отглагольного имени *вольмаште* 'при спуске, на спуске'.

В выражении *Марина мыра шыжвыкок* 'Марина поет словно соловей' (с. 77) сравнительное значение передает не форма именительного падежа имени *шыжвык* 'соловей', а усилительная частица *-ок*, без нее нет сравнения. Отсутствие этой частицы требует вместо нее наречие *статян* 'подобно': *Марина шыжвык статян мыра* 'Марина поет подобно соловью', но при этом теряется эмоциональная окраска.

По мнению автора монографии, в марийском языке «необходимо проводить принципиальное различие между словарной формой имени существительного и его именительным падежом», ибо «в словарной (номинативной) форме, имя выступает вне падежной парадигмы» (с. 78). Он упускает из виду, что словарной или основной формой слова является одна из словоформ, традиционно избираемая в качестве представителя данной леммы в словаре. Поэтому словарную форму имени, на наш взгляд, нельзя отделять от формы именительного падежа, ибо словарная форма — это та же форма именительного падежа, традиционно принятая для фиксации в словаре имен существительных.

Автор считает, что категорию падежа в марийском языке надо относить к альтернативному, а не к деривационному типу, так как при образовании форм косвенных падежей семантической производности нет и быть не может, ибо

«морфологическая альтернатива предполагает чередование слозоформ, между которыми отсутствуют отношения производности» (с. 79). Во-первых, здесь смешиваются две вещи — форма и значение. Во-вторых, морфологическое чередование в марийском языке обнаруживается там, где его вообще нет. Морфологическим чередованием считается «чередование, не обусловленное фонетической позицией, т. е. чередование, не обусловленное с точки зрения современной фонетической системы данного языка, но в какой-то предшествующий период развития языка фонетически обусловленное». Морфологическое чередование — это чередование историческое, непозиционное, нефонетическое, традиционное (Ахманова 1966 : 514). О каком же было, тем более небыло, чередовании можно говорить при образовании косвенных падежей в марийском языке? По нашему мнению, ответ может быть один — ни о каком. В марийском языке падежные суффиксы не представляют результата какого-либо чередования — это формообразующие суффиксы исторически марийского образования. Здесь наблюдается типичная особенность агглютинативных языков. Формы косвенных падежей образуются путем присоединения к форме именительного (основного) падежа специфических суффиксов. Особое положение занимает лишь суффикс сравнительного падежа, не случайно поэтому многие лингвисты относили его к наречным. Что же касается присоединения к форме родительного падежа суффиксов других косвенных падежей, то в этих случаях форма родительного падежа в определенной степени сохраняет свое первоначальное значение притяжательного прилагательного, что и позволяет ему присоединять к себе в определенных условиях суффиксы других падежей, например: *Упшым ачаным упшалам* 'Шапку надену отцовскую (отцову)'. Значения родительного падежа в целом определены правильно, но в некоторых случаях с автором нельзя согласиться. Так, он пишет, что генитив в марийском языке может указывать на предмет или лицо, у которых что-либо имеется, должно быть или отсутствует (с. 81). Во-первых, это не что иное как принадлежностное значение генитива, во-вторых, наличие

или отсутствие предмета выражается не формой генитива, а глаголом-сказуемым или словом *уке* 'нет'.

На наш взгляд, вряд ли можно согласиться с автором и в том, что дательный падеж указывает на количественные отношения (с. 84). Здесь он следует за З. Учаевым, хотя у последнего говорится о пространственно-количественных отношениях (1982 : 68). В выражениях типа *ик ошкыллан* 'на один шаг', *400 ерлан* 'на четыреста человек' (с. 84) количество выражается не формой дательного падежа имени, а предшествующим числительным. Поэтому З. Учаев здесь ближе к истине, хотя и он не совсем точен.

Г. М. Тужаров пишет, что винительный падеж выражает, кроме объектного значения, способ действия: *Элавий шогавуй кучемым уло кертмыжын кормыжталеш* 'Элавий изо всей силы зажимает в руке рукоятку сохи' (с. 88). Однако в данном случае он выражает объект действия, а способ действия обозначен наречиями *уло кертмыжын* 'изо всей мочи'. Далее он говорит, что винительный падеж выражает субъект действия: *Мемнан гае йдыр-влакым айдеме тусым йоршыш йомдарыктынешт* 'Хотят, чтобы такие девушки, как мы, совсем потеряли человеческий облик' (с. 88). Здесь автор исходит не из материала марийского языка, а из перевода на русский язык, не учитывая, что в марийском языке в данном случае выступает понудительный глагол в форме 1-го лица множественного числа желательного наклонения. Перевод должен учитывать этот факт: 'Хотят заставить таких девушек, как мы, совсем потерять человеческий облик'. Здесь нельзя говорить о субъекте действия, выраженном винительным падежом: последний выступает в своем основном значении и выражает объект действия. Субъект же опущен, он узнается по личному окончанию глагола-сказуемого.

Автор рецензируемой книги не прав, говоря о том, что совместный падеж выражает субъект или лицо, которому адресовано действие: *Бнде у правительствэ лийын гын, чыла у семын лийже: пörвезлан изиге, кугуге мланде лийже* 'Если теперь новое правительство, то пусть все будет по-новому: мужчинам от мала до велика — землю' (с. 90). На адресат здесь указывает не форма со-

вместного падежа прилагательных *изи* 'маленький', *кугу* 'большой', а форма дательного падежа существительного *пёрр-еулан* 'мужчинам'. И в этом случае автор исходит из русского перевода. По нашему мнению, нельзя согласиться и с выделением ряда дополнительных значений сравнительного падежа: 1) компаратив указывает на то, что один субъект действия, состояния сопоставляется с другим субъектом действия, состояния (марЛ *Шагатын стрелка-влакла пёрдына ме ик рјудеш* 'Мы с тобой всю жизнь вместе, как стрелки часов'); 2) компаратив указывает на то, что определенный объект действия сопоставляется с другим объектом, предметом (*Стопан кугызса, Метрий, Натале, Пёкла, Пётыр Епимымат Эчанлак ёндалыт* 'Степан, Дмитрий, Наталия, Фекла, Петр обнимают Ефима, как Эчана'); 3) сравнительный падеж указывает на локальные отношения (марЛ *Палагижын шинчажгыч тудын поро кумылжым, пагалымыжым да чаманымыжым памаш вјуд пундаштылак раш ужеш да чон пытен кутыраш тјугалеш* 'По глазам Пелаген, как на дне родника, ясно видит ее доброе настроение, ее уважение, ее сочувствие и начинает говорить от всей души'); 4) количественные отношения (*Илем мый шјудё калык ешла — совет еу-влак ден иквереш* 'Живу я, как в семье ста народов — вместе с советскими людьми') (с. 92—93). Первые два не являются отдельными значениями сравнительного падежа: форма этого падежа употребляется в своем основном сравнительном значении, хотя автор и использует глагол 'сопоставляется' вместо 'сравнивается'. Локальное же значение в приведенных примерах выражено не суффиксом *-ла* сравнительного падежа, а суффиксом *-ште* местного падежа. То же можно сказать и о количественных отношениях, ибо количественно здесь выражено не формой сравнительного падежа, а числительным.

Весьма сомнительно выражение цели совершения действия, ибо приведенный пример скорее представляет собой типографическую погрешность: *тиде окса штраф налме гыч да калык јмбач кјлеш роскотла* (очевидно, должно быть *роскотлан* — И. Г.) *погыма гыч кодшо* 'Этo деньги, оставшиеся от взимаемого штра-

фа и от сбора на необходимые расходы'. Второй пример переведен неверно: *Но шарнымашла шкешт нерген мемнам мландеш коден каят* 'Уходя, оставляют нас на земле, чтобы мы помнили о них'. Надо: 'Но как память о себе оставляют нас на земле'. Здесь явно сравнительное значение.

Г. М. Тужаров пишет, что лишительный падеж может обозначать всякое количество, меру (вес, сумму, время, возраст и т. д.) (с. 96). Здесь, как и при определении дополнительных значений других падежей, не учитываются числительные. Разве можно говорить о количественном значении в приведенном примере: *Ик кечы мычкы тјыредымат, кыдалде лин шынзым* 'В течение одного дня я жала, и поясница заболела' (букв. 'стала без поясницы' — И. Г. (с. 96)? На наш взгляд, здесь только лишительное значение.

При рассмотрении совместного, сравнительного и лишительного падежей ни слова не говорится о предыдущих исследователях. Совместный падеж впервые введен Э. Леви еще в 1922 году. В 1923 году Ю. Вихманн ввел, кроме комитатива, сравнительный падеж (модалис) и лишительный падеж (каритив). Из марийских лингвистов все эти падежи признавались П. И. Ярускиным еще в 1933 году. Заслуга автора рецензируемой книги в том, что он на основе фактического материала еще раз подтвердил их существование, но при определении их значений, однако, он нередко исходит не из материала марийского языка, а из перевода его на русский язык.

Пятая глава посвящена немаркированным именам в марийском языке. По мнению автора, в марийском языке немаркированного имени нет, а есть лишь форма именительного падежа, которая выступает в функциях различных косвенных падежей (с. 131). До сих пор в марийском языкознании термин немаркированное имя никем не употреблялся. Марийские языковеды писали лишь о неопределенном падеже или о винительном неопределенном с нулевым показателем. И, как нам думается, были правы, ибо они исходили в первую очередь из выражаемого формой грамматического значения, хотя эта форма и совпадает с формой именительного падежа.

К примеру, в русском языке, по своему морфологическому типу совершенно отличающемся от марийского, слово *матери*, исходя из точки зрения автора, нужно считать только формой именительного падежа множественного числа, хотя она совпадает с формой родительного, дательного и предложного падежей единственного числа. Или взять, например, такие выражения: *Строить дом* и *Стоит дом*, в которых *дом* по форме не различаются, но представляют в одном случае винительный, в другом — именительный падежи. Ни один специалист по русскому языку не считает их только формой именительного падежа.

Мы убеждены, что категория определенности и неопределенности в древнемарийском языке существовала, иначе не было бы необходимости в винительном падеже с суффиксом *-м*. Существование в

урало-алтайских языках винительного определенного и винительного неопределенного, на наш взгляд, хорошо обосновал Д. Киекбаев (1965 : 239—243), работу которого автор почему-то обошел вниманием.

В заключение нужно сказать, что Г. М. Тужаров проделал большую работу по изучению грамматических категорий существительного в марийском языке, собрал богатый фактический материал, в ряде случаев внес справедливые дополнения и уточнения. Однако его выводы по кардинальным проблемам грамматических категорий существительного весьма спорны, иногда они строятся не на фактическом материале, а на переводе его на русский язык. По-видимому, эти проблемы нуждаются в еще более глубоком анализе с учетом особенностей финно-угорских языков.

ЛИТЕРАТУРА

Ахманова О. С. 1966, Словарь лингвистических терминов, Москва.
Грузов Л. П. 1960, Современный марийский язык. Фонетика, Йошкар-Ола.
Киекбаев Дж. 1965, О грамматической категории определенности и неопределенности в урало-алтайских языках. — СФУ I, 237—244.
Щерба Л. В. 1957, Избранные работы по русскому языку, Москва.

Учаев З. В. 1982, Марий йылме, Йошкар-Ола.
Иарускан П. И. 1933, Грамматика. Кырык мары йылмы тымэньмы кныгӓ, Москва.
Lewy, E. 1922, Tscheremissische Grammatik, Leipzig.
Wichmann, Y. 1923, Tscheremissische Texte mit Wörterverzeichnis und grammatikalischem Abriss, Helsinki.

ИВАН ГАЛКИН (Йошкар-Ола)

А. Э. Лилль, Формирование медицинской терминологии инородного происхождения в эстонском языке (1869—1914 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тарту 1987.

Am 1. Juni 1987 verteidigte Anne Lill an der Staatlichen Universität Tartu ihre Forschung «Die Herausbildung der medizinischen Terminologie fremdsprachiger Herkunft im Estnischen (in den Jahren 1869—1914)» und erlangte den wissenschaftlichen Grad eines Kandidaten der philologischen Wissenschaften. Die Dissertation wurde unter der Anleitung des wissenschaftlichen Mitarbeiters des Instituts für Sprache und Literatur der Akademie der Wissenschaften der Estnischen SSR Rein Kull verfaßt. Als Opponenten fungierten Prof. Eduard Vääri und Siiri Kasepalu.

Anne Lill wurde am 15. Oktober 1946 in Tallinn geboren und beendete 1970 die Universität Tartu auf dem Gebiet der estnischen Sprache und Literatur. Ab dem dritten Studienjahr lernte sie nach einem Sonderstudienplan auch klassische Sprachen. Sie war Aspirant am Lehrstuhl für Fremdsprachen der Universität Tartu. Seit 1978 arbeitet sie hier als Lehrkraft für Latein und antike Literatur.

Die Untersuchung von A. Lill ist zwar der Herausbildung der medizinischen Terminologie in den Jahren 1869—1914 gewidmet, doch im einführenden Teil wurden alle möglichen Quellen ab Heinrich Stahls